

кой помощи мы оказать не можем, к тому же и юбилей не круглый.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Этим должен заняться Союз писателей.

В.П. НЕРОЗНАК: С целым пакетом просьб обратился Ульяновский фонд культуры — на создание дома-музея Языкова. Общая сумма — 5—6 млн. руб., сумма фантастическая...

Ульяновский фонд культуры просит профинансировать мероприятия по реализации Карамзинской программы — 150 тыс. руб. Вынуждены, к сожалению, отказать...

<...>

Т.И. АНДРОНОВА: Я хочу напомнить членам президиума, что решение о реставрации дома Чуковского <в Переделкине> было принято еще в марте 1989 г., в прошлом году она была начата, но поскольку произошла такая инфляция, сейчас нужно покрыть эту инфляцию. Это музей — наш, единственный, работы в нем уже начаты, музей раскрыт, никто им не занимается. Если мы сейчас его бросим — это будет преступлением. Вы, Дмитрий Сергеевич, были первым, кто поддержал этот музей, когда его травили, а литфонд пытался его уничтожить.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нужно добиться того, чтобы музей давал собственные средства.

Т.И. АНДРОНОВА: Но сейчас он этого не может, надо его сначала восстановить, вот поэтому я очень прошу!

<Конец стенограммы.>¹

**Из протокола заседания президиума РМФК
22 октября 1992 г.
(Работа по созданию Музея
современного искусства)**

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Теперь мы обращаемся к вопросу о Музее современного искусства. Это еще одна важная болевая точка. Василий Алексеевич, так как предложения у меня есть, положение известно, Вы изложите суть дела.

¹ Архив РФК. Т. 12. Д. № 73.

В.А. ПУШКАРЕВ: Как все-таки звучит вопрос?

В.П. НЕРОЗНАК: О работе по созданию Музея современного искусства.

В.А. ПУШКАРЕВ: Я даже и не знаю, с чего начать, потому что работа сейчас в застое. Совет, вернее, президиум трижды свои решения подтверждал, что для Музея современного искусства Фонд культуры выделил 30 млн. рублей на приобретение экспонатов. Трижды! Сейчас ситуация сложилась таким образом, что мы — должники, мы должны! Что сделано с марта 1991 г. по март 1992 г.? Было 6 заседаний Научно-экспертного совета, и приобретено более 500 экспонатов на сумму 1 569 300 руб. по пяти протоколам и на 350 тыс. руб. — по шестому протоколу. С марта 1992 г. закупка вещей приостановлена и, по просьбе В.П. Нерознака, не будет производиться по крайней мере до конца нынешнего года. Всем известно, что художественная жизнь остановиться не может, художники работают, вещи уходят за рубеж и в коммерческие структуры, торговля произведениями идет полным ходом (есть сведения, что из Оренбурга Франция комионами — фургонами вывозит картины и там продает). Совет наш был той единственной отдушиной в наше время, когда художникам нигде не пробиться: сделать выставку — стоит бешеных денег, приобретают картины только те, кто их перепродает. Художники в буквальном смысле слова бедствуют. Телефон у меня дома «раскален» — мне звонят домой: что, когда? Ведь мы с декабря прошлого года должны художникам около 1 млн. рублей. Мы покупали произведения еще тогда, и стоимость их была одна, а сейчас художники получают за них буквально гроши, поэтому очень остро стоит вопрос о том, чтобы произвести индексацию, мы ведь себе зарплату индексировали, гоняясь за бешеной инфляцией, а художникам выплачиваем гроши.

Причем создалось какое-то странное положение: по всем постановлениям президиума, которые мы приняли, Научно-экспертный совет имеет право приобретать, а Владимир Петрович мне заявил, он не имеет указаний оплачивать. В условиях инфляции, мне кажется, оплачивать надо стремительно: не на второй день, а в тот же день,

когда получим от художника согласие на продажу его картины. Мне все время говорят, что нет денег. А ведь когда выделили эти 30 млн. рублей, я сразу просил Мясникова, чтобы это был либо отдельный счет, либо отдельная строка, чтобы эти деньги были неприкосновенными. Сейчас, оказывается, на проценты от этих денег живет весь наш Фонд культуры. Это так и есть. А оплату художникам Вы ведь, Владимир Петрович, поставили в зависимость от того, издавать книжку Сарабьянова или нет. Если будем издавать (а там что-то не то 6, не то 8 млн.), то оплачивать работы художников нечем. Мне кажется, что путать эти источники финансирования (и Музея, и издательской деятельности), видимо, нельзя. Раз уж решили, значит, решили!

Теперь еще один вопрос — по поводу выставки. Надо ведь все-таки сделать выставку приобретенных вещей. Все говорят, что надо.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Надо открыть Музей, хотя у него нет помещения. Открыть Музей нормально НЕОБХОДИМО!

В.А. ПУШКАРЕВ: Штат Музея — один я, больше никого нет, было 2 сотрудника, которых финансировало Министерство культуры СССР, но оно «приказало долго жить», и в комбинате им. Вучетича, где у нас было хранилище, всё опечатано. Для того чтобы сделать эту выставку, надо вещи перевезти сюда, на Гоголевский, но я боюсь в комбинате появляться, потому что за аренду помещения нужно платить, а у нас и на это нет денег, и аренда не оплачивается с марта месяца. А цены там тоже бешеные — я докладывал об этом Владимиру Петровичу. Значит, для того чтобы сделать выставку, нужен еще научный сотрудник, нужен хранитель — материально-ответственное лицо, и необходимо хранилище. Хранилище отводит библиотека <Фонда> (бывшая), но там стеллажи, а их девать некуда. В общем, вроде бы помещение есть, но его надо переоборудовать под хранилище. И не менее важное — нужен искусствовед, который сделает каталог или буклет прежде, чем сделать саму выставку. Обо всех этих наших нуждах я неоднократно докладывал на директорате Фонда, так что руководство знает

об этом (и Владимир Петрович знает обо всех этих нуждах), но вот пока все это у нас застопорилось.

Что же мне хотелось в решении сегодняшнем?

произвести оплату закупок по шести протоколам Художественно-экспертного совета до 1 января 1993 г.;

выделить для научной и выставочной работы 2 ставки ведущих экспертов в штатном расписании;

открыть субсчет Музея по валютным средствам;

выделить 50% валютных поступлений от выставочной деятельности (у нас ведь этот отдел называется «Музей и выставки»);

рассмотреть вопрос о выделении части валютных отчислений (я думаю, что это тоже процентов 50), предназначавшихся Фондом Оппенгеймеров для выставочной деятельности и организации закупочной деятельности Музея.

Контроль за этим делом можно возложить на меня или на кого-либо другого. Я передаю Вам свое письмо, где все это изложено более подробно, чтобы не занимать время президиума.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я думаю, что сделать нужно следующее: деньги на оплату наших долгов (а долги художникам равняются долгам карточным, т.е. это — дело чести нашего Фонда оплатить художникам, потому что художники живут только на продажу своих картин, они не получают зарплаты) выделить НЕОБХОДИМО. МЫ ОПЛАЧИВАЕМ ЭТО! Как оплачиваем? Мы просим Фонд Оппенгеймера выделить деньги на оплату, и тогда это получится очень дешево (мы получим долларами, валютой, и эту валюту будем переводить на рубли), я подсчитывал — в одном случае это 2 тыс. долларов, в другом случае — 5 тыс. долларов у нас с Вами, Василий Алексеевич, получалось.

Итак, надо обратиться в обычном порядке к Оппенгеймерам с просьбой выделить валюту. Аргументация такая: получается странная ситуация — мы покупаем за границей за счет Оппенгеймера произведения для возвращения на Родину, а те картины, которые мы сейчас можем приобрести здесь, у себя, через 10 лет мы будем закупать их где-то на аукционах в США, Англии, Париже. Это же нелепо!

Давайте же покупать их здесь, чтобы они не уходили за границу! И поэтому часть денег Оппенгеймера (сравнительно небольшая часть в пересчете на валюту) должна идти на покупку картин здесь.

Значит, мы просим единовременную сумму (Василий Алексеевич нам подскажет — какую), чтобы оплатить наши долги (долги стыдные, стыдно не платить художникам, особенно в условиях инфляции), произвести индексацию с некоторой надбавкой, с небольшой, но все-таки с надбавкой, поскольку мы долго не платили.

И другое, что касается того, что у Вас, Василий Алексеевич, нет сотрудников, — это, действительно, положение очень тяжелое — и по возрасту, и, вообще, одному человеку справиться с картинами невозможно. У нас есть родственные отделы, каждый из которых должен помогать другому отделу. И я очень прошу отдел Малининой выделить сотрудника Василию Алексеевичу (пока одного, потом мы посмотрим). Пусть он остается в Вашем отделе, пусть это будет человек, кому это интересно и с кем согласится работать Василий Алексеевич. Необходимо помочь, потому что храниться произведения ведь будут все равно у нас, это же ведь отдел хранения, между отделом хранения и отделом музейным должно быть полное понимание и единство в работе.

Василий Алексеевич, я Вас прошу договориться, кто Вас больше устраивает и кто в Вашем отделе (к Малининой)¹ будет заинтересован в этой работе. Работа ведь очень интересная по покупке, тем более что у Василия Алексеевича можно очень многому поучиться в плане искусствоведческом, в определении картин, в современном искусстве и т.д.

Василий Алексеевич, такое решение Вас устраивает?

В.А. ПУШКАРЕВ: Сроки, Дмитрий Сергеевич! С Оппенгеймером я не знаю, какие сроки, а платить надо СЕЙЧАС!

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Это Владимир Петрович с нашим бухгалтером решит, как оплатить в течение недели.

В.П. НЕРОЗНАК: Я хотел бы обратить внимание членов президиума на то, что изменилась парадигма нашего

¹ Л.И. Малинина — заведующая отделом даров Фонда.

общества, и мне хотелось сообщить Василию Алексеевичу о том, что то решение, которое было принято раньше о выделении 30 млн. рублей, практически уже невозможно реализовать сейчас; ушла та страна, в которой мы жили, это было решение Советского фонда культуры. Фонд сейчас живет под проценты, у нас сейчас всего 30 млн. рублей, которые благодаря энергичной деятельности Владимира Александровича Быкова — его многие обвиняют в разных грехах, но я еще раз хочу подчеркнуть, что только благодаря его деятельности (Георг Васильевич упорно держал деньги и не давал их под проценты) — мы положили деньги под 50—70%. И это мы должны знать все, что, как только мы эти 30 млн. исчерпаем, Фонд закроется, в т.ч. и Музей современного искусства. Поэтому, конечно, ни о каком серьезном субсидировании Музея сейчас речи быть не может, если мы, конечно, не найдем фирм или структур, которые смогут нам помочь с помещением и с содержанием картин.

Я хочу вам сказать, что впереди у нас еще одна очень серьезная проблема, требующая миллионных затрат, — это музей Марины Цветаевой. Мы «на блюдечке» предложили этот музей Москве. Сейчас у нас лежит письмо с просьбой содержать 16 сотрудников Музея, а с учетом технических художников — это 32 человека, значит, это примерно 8 млн. рублей — содержание музея М. Цветаевой в год. Я сообщил вам это, чтобы не было никаких иллюзий.

Далее — мы живем сейчас почти «ноль в ноль». При еще одном, даже незначительном витке инфляции и наши поступления с процентов начнут таять. Поэтому, когда мы планируем крупные вклады Фонда (в том числе на закупку картин или на издание книг и т.д.), необходимо оглядываться на «уровень воды в кипящем котле» — как только вода выкипит, котел взорвется. Поэтому мне кажется (я не аппаратчик, я — ученый, но жизнь заставляет быть реалистом), что мы должны, конечно, выплатить эти 1,5 млн. рублей. Еще раз хочу вам сказать, что я наделен правом подписывать бумаги только на 50 тыс. рублей, остальное решаете вы, президиум и Дмитрий Сергеевич. Поэтому я думаю, что нужно согласиться с оплатой (это, действительно,

долг чести Фонда), но одновременно, учитывая наши средства (а нам надо начать жить по средствам), нам нужно решить, сможем ли мы дальше закупать картины. Если опираться на фонды, в т.ч. на Фонд Оппенгеймера, тогда — да, если нет, то уверенности в том, что мы сможем продолжить закупку картин, у меня нет.

Дмитрий Сергеевич, я прошу прощения, это такая проза жизни, но она нам дает реальную картину (есть такое понятие «картина мира» в языке) жизни. Вот такова сейчас картина нашей жизни.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Хорошо. Принимая во внимание все вышесказанное, я должен сказать еще свое мнение.

Мы, несмотря ни на что, платим сейчас деньги художникам — НЕМЕДЛЕННО, В ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ, затем компенсируем это поступлением из Фонда Оппенгеймера, и у Оппенгеймера получаем еще деньги на закупки, потому что прекращать закупку произведений НЕЛЬЗЯ! Мы можем ужесточить требования к тем картинам, которые мы приобретаем, т.е. докупать, действительно, только то, что может уйти за границу, а это может нанести большой ущерб русской культуре. Такие произведения мы все-таки должны покупать, поэтому, запрашивая Оппенгеймера, мы должны учитывать еще какие-то суммы (меньшие, чем раньше) на покупку картин. Это — мое решение, и я требую — ПРЕКРАЩАТЬ ЗАКУПКУ КАРТИН НЕЛЬЗЯ!!!

И еще один момент — выставку картин Музея нужно сделать! Нужно официально открыть Музей. Ведь дело в том, что многие музеи открывались без помещения. Ну, скажем, так: сам Пушкинский Дом был открыт без помещения, он размещался под лестницей Академии наук (главного здания) первоначально. А это были Музей, библиотека, все вещи, связанные с Пушкиным (рукописи и т.д.) — все это размещалось в главном здании, под лестницей. Так что такие случаи бывают, когда музей открывается, а помещение ему подыскивается. Тем более что будет легче подыскивать помещение под уже открытый музей. И этот музей должен быть оформлен юридически, как существующий, для этого выставка тоже очень нужна, чтобы мы показали, чем

мы уже владеем, что есть Музей современного искусства, об этом должны знать, об этом должны быть сведения в печати. Должно быть проведено официальное открытие Музея с приглашением телевидения, прессы, с соответствующими статьями и т.д.

Это открытие Музея непременно должно быть! Тогда нам будет легче жить, тогда мы сможем сказать, что в плюсах нашей работы есть и такой важный плюс, как открытие Музея современного искусства, потому что попытки создать музеи современного искусства очень плохие, очень плохие! Под современным искусством иногда понимаются только крайне авангардные течения, не имеющие особой цены. Во всяком случае в Петербурге такие выставки были — это выставки не искусства. Я, вообще, сторонник и левого искусства, и авангарда, и всего прочего, но есть какие-то пределы. Я хочу сказать, что современное искусство очень трудно оценивать, а Василий Алексеевич в этом отношении пользовался в Петербурге репутацией человека с абсолютным вкусом, ну, как бывают люди с абсолютным слухом в музыке. У Василия Алексеевича был абсолютный вкус при приобретении картин, и за длительный период, когда Василий Алексеевич был директором Русского музея и председателем закупочной комиссии, ни одной дурной вещи не было приобретено случайно, приобретались только первостепенные вещи. Так что мы должны этим пользоваться, и прекращать деятельность Василия Алексеевича ни в коем случае НЕЛЬЗЯ! Мы счастливы, что Василия Алексеевича «изгнали» из Петербурга, перевели в Москву, и сейчас мы можем пользоваться его авторитетом и возродить его замечательную закупочную деятельность у нас. Но помочь ему нужно, физически ему нужно помочь, ему нужны хорошие работники, и это должен дать Фонд. Я думаю, что выход мы найдем. Хорошего работника должен дать отдел хранения.

Возражений со стороны отдела хранения нет?

Л.И. МАЛИНИНА: Возражений нет. Безусловно, в отделе найдется сотрудник, который будет с удовольствием работать над созданием выставки из фондов, собранных Василием Алексеевичем Пушкаревым. При этом к выставке необходимо сделать каталог, это не очень большая проблема,

хотя в финансовом отношении это дорогое удовольствие, но без каталога выставка просто не имеет смысла, это не выставка. Значит, надо сделать каталог, надо сделать презентацию, хорошую презентацию, показать эту коллекцию, как положено. Но вот с Музеем современного искусства здесь возникнут некоторые сложности. Я хочу, чтобы Вы это знали, Дмитрий Сергеевич.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: А в Царицыне тоже называется Музей современного искусства?

Л.И. МАЛИНИНА: Я не знаю насчет Царицына, но знаю, что галерея «Марс» такое объявление делала.

В.А. ДУДАКОВ: Дмитрий Сергеевич, видимо, после Василия Алексеевича я наиболее владею этим материалом, поскольку являюсь членом экспертного Совета Музея и занимаюсь проблемами, связанными с современным искусством.

Что касается комментария, который дала Лариса Ивановна, к сожалению, пока это в области слухов и домыслов. Никакого Музея современного искусства, кроме существующего у нас, нет, нет такого названия. Всё остальное находится на уровне галерей, центров и т.д. Официальное название «Музей современного искусства» ни за кем пока не закреплено.

Второй вопрос — то, что вы сейчас принимаете решение (или хотите принять решение) относительно того, чтобы в отделе дарений находилось содержимое Музея современного искусства, на мой взгляд, абсолютно неправильно. Подумайте, первая функция отдела дарений заключается в том, чтобы накапливать дары разного сорта и содержания. Не всегда эти дары одинакового художественного содержания. Функция Музея современного искусства совершенно другая. Василий Алексеевич мне откровенно говорил (а сейчас вам почему-то не сказал) о человеке, который будет работать на Музей, будет работать не просто как хранитель, а будет работать как искусствовед, специалист в этой области, это будет человек, который профессионально занимается современным искусством. Для этого не подходит ни один сотрудник из отдела дарений. Там нет ни одного профессионала, знающего современное искусство. Я считаю, что нужно принять решение по Музею современ-

ного искусства такое, какое Вы предложили, с одной только коррективой, которая заключается в том, что Музей тесно связан с нашей группой <отделом выставок Фонда> ... Василий Алексеевич всегда обращается ко мне, я всегда помогаю ему с бумагами, со всякого рода решениями, постановлениями и прочим, пользуясь своим старым бюрократическим опытом. Тем не менее я считаю, что для того, чтобы работал наш отдел, который сейчас фактически состоит из двух человек, нам тоже нужен человек. Вот если бы этот человек работал, к примеру, и на Музей, и на нашу выставочную группу, вот тогда бы мы получили профессионала, который знает современное искусство, хранит это искусство и отвечает за его хранение. Не может быть хранение двойное: дарение или Музей. Это — мое глубокое убеждение.

В.П. НЕРОЗНАК: Абсолютно верно, но тогда нужно принимать решение о введении вакансии.

В.А. ПУШКАРЕВ: Во-первых, Владимир Петрович, нужно отменить решение предыдущее. Я возвращаюсь к тем злосчастным 30 миллионам, чтобы было ясно (ведь везде в газетах и по радио, и по телевидению фигурирует эта цифра, и в журнале «Наше наследие» — и там она есть). Во-вторых, как бы ни менялись, сколько бы начальников ни менялось, хоть ежедневно, учреждение есть учреждение и преемственность должна быть.

И последнее: Министерства СССР у нас нет, я пошел в Министерство РФ к заместителю первому и самому министру. Словесное признание и поддержка получены, проект соглашения тройственного (наш Фонд, Министерство России и Союз художников России) дан, подписан Дмитрием Сергеевичем. В июле месяце получили ответ.

Ответ гласит: «Музей не имеет самостоятельности, не имеет лицевого счета, не имеет юридического адреса, у него нет финансов, нет помещения...» Мы можем некоторые вещи передать (так мне сказали), но мы не знаем, кому, куда.

И еще одно: пока мы несамостоятельны, т.е. не имеем юридического лица, к спонсорам-то нельзя обращаться и некуда: «Кто такой, откуда пришел?» Ничего не зарегистрировано в рабочем порядке. Год мы просуществовали, что-

то приобретали. Ведь есть перспектива, есть деньги, приобрели <бы> не 500 вещей, а 1000, 1500... Покажем и скажем: некуда больше, давайте помещение. Но, оказывается, жизнь меняется, всё меняется...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Как бы нам ни было тяжело, а открывать отдельный счет и новую вакансию нам придется. Я прошу это утвердить: и отдельный счет, и создание юридического лица Музея современного искусства. Расплата — путем субсидирования со стороны фирмы Оппенгеймера. Будем просить... Но до того, как мы получим от Оппенгеймера эти деньги, нужно будет из тех, оставшихся у нас, сумм временно взять эти деньги, потому что иначе мы будем платить еще больше. Согласны с таким решением?

В.П. НЕРОЗНАК: Дмитрий Сергеевич, только я все-таки хотел сказать Василию Алексеевичу (у нас тут нет сходства позиций), что надо забыть о тех 30 миллионах, которые когда-то хотели выделить. Пока их у Фонда нет...

В.А. ПУШКАРЕВ: Отмените тогда решение.

С.О. ШМИДТ: Не говоря уже о том, что 30 млн. стали 3 млн.

В.А. ПУШКАРЕВ: Я ведь не говорю: дайте мне 30 млн. Отмените решение!

В.П. НЕРОЗНАК: (зачитывает цитату из письма В.А. Пушкарёва в президиум): «Министерство культуры и туризма РФ отказалось стать правопреемником обязательств союзного Министерства культуры — нести его часть расходов по созданию Музея современного искусства». Значит, Министерство отказалось. Почему? Отказ мотивирован тем, что Музей не прошел регистрацию в установленном порядке, не определен его статус, он не имеет банковского финансового счета, отсутствуют помещения для его работы, нет его юридического адреса.

Кроме помещения, всё остальное мы можем сделать.

А помещение временное мы должны получить здесь, нужно очистить от остатков технического оборудования библиотеку. Вам тогда хватит этого помещения?

В.А. ПУШКАРЕВ: Пока что, конечно, хватит — для хранения.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: К отделу хранения просьба помочь в этом деле, потому что если не по специальности, то хотя бы по

долгу своему ваш отдел должен помочь Василию Алексеевичу. И открываем новую ставку, как бы тяжело нам ни было, — ставку специалиста.

С.В. ЯМЩИКОВ: У меня есть одно предложение, которое поможет сделать несуществующий музей какой-то реалией. Дело в том, что в запасниках бывшего Министерства культуры Союза и России, в дирекции есть масса невостребованных работ современных художников, и не только плохих, потому что покупали у всех художников. И насколько я знаю, эти вещи сейчас некуда девать, потому что музеи и наши, и областные не в состоянии их принять, т.к. у них нет запасников. Может быть, посмотреть то закупленное и поговорить с тем, кто эти закупки продолжает? Вот сейчас была история, которая вышла на страницы газет (в частности, на страницы газеты «Московский художник»), была организована новая закупочная комиссия нового Министерства культуры России под руководством нового заведомо изобразительного искусства — Л. Бажанова. И очень большой возник скандал: на этой закупочной комиссии не купили ни одной работы у мастеров, начиная от Аникушина и кончая <другими> признанными. Тогда всё: это искусство тогда вообще не представляет никакого интереса. Это я вас просто информирую. И теперь эти художники спрашивают: «А куда нам теперь свои работы девать? Мы готовы их отдать в музеи, в галереи...» Я просто информирую, что довольно-таки тяжелая сейчас ситуация. Вот Дмитрий Сергеевич правильно сказал, что сейчас масса галерей, которые всё выдают за искусство, а ведь не все художники в годы застоя были мерзавцами и делали только то, что им заказывала номенклатура.

А у художников сейчас очень тяжелое положение, у классических художников! Ведь сейчас масса вещей в запасниках, что с ними делать?! Сжигать, что ли?! Списывать?!

И последнее: когда 2,5 или 3 года назад решался вопрос и мы ходили к Губенко — Вы, Дмитрий Сергеевич, Василий Алексеевич, Сарабьянов и я, — там встал вопрос о том, а что же считать современным искусством, потому что (это тоже очень важно) вот некоторые говорят: это долж-

но быть целиком и полностью в Музее авангарда, а другие говорят: а почему бы не в современном искусстве?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, все школы должны быть представлены.

С.В. ЯМЩИКОВ: Но все-таки главным я считаю, конечно, что после вчерашнего выступления, после вчерашнего Верховного Совета, трудно о чем-нибудь говорить, где мы окажемся, но я понимаю Владимира Петровича, у которого действительно нет денег. Вот я вчера получил доклад Сидорова, который сегодня отчитывается на правительстве, большой доклад о положении дел в Министерстве культуры — о выделении средств. Масса сложных моментов. Если это всё пройдет, я считаю, что вопрос мы должны решать положительно — Музей такой должен быть. Но все-таки первое, что мы должны, — поставить вопрос перед Министерством (иначе всегда так будет; и Василия Алексеевича мне более жалко, чем кому бы то ни было, все-таки 25 лет мы с ним проработали бок о бок в Петербурге, и памятника своего он заслужил). Вот ведь они месяц тому назад во всех газетах написали, что получили замечательное помещение в 3,5 тыс. кв. м в Черниговском переулке, там, где в эпоху застоя решением одного Кочемасова создавался Музей художника Пластова и который полностью отреставрирован за счет государства и энтузиазма Общества охраны памятников (там работала в течение нескольких лет молодежь). В газетах (в «Известиях») было три сообщения подряд, что Российское министерство получило это здание под Музей и Центр современного искусства. Я поинтересовался, будет ли там Музей современного искусства. Оказывается, это был как бы насильственный захват этого помещения (я согласен, что у Пластова музеев слишком много — и в Ульяновске, в Прислонихе). И теперь неделю тому назад Ельцин подписал Указ о передаче этого помещения в Черниговском переулке Международному славянскому фонду. Этот Указ я видел, сейчас он оформляется.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: А что Славянский фонд с этим будет делать? Это не имеет отношения к искусству?

С.В. ЯМЩИКОВ: Нет, у них все обосновано, это будет Международный славянский фонд, создаются они после Конгресса, который был проведен в Москве. Такие фонды с такими помещениями есть в Белграде, в Софии, и здесь Международный славянский фонд будет заниматься всеми проблемами, которые поставлены в процессе этого Международного славянского конгресса, но они уже это получили, Дмитрий Сергеевич. Я к чему это говорю? Вот мы бы могли, если бы у нас с Министерством была согласованность, мы могли бы об этом помещении в Черниговском переулке тоже поставить вопрос. У нас ведь готовый музей, с которым мы могли бы внедриться в это помещение.

А Владимира Петровича я понимаю. Мы с ним сегодня говорили: вот надо ехать к Серебряковым, а денег нет. Ну, нет так нет. «На нет и суда нет». Мне все-таки жалко, что Василий Алексеевич все время будет в таком положении. Жалко так же, как и Вам, Дмитрий Сергеевич.

В.А. ПУШКАРЕВ: Можно добавить? Помещение, которое отреставрировали для Музея Пластова, я слезно просил. Но Бажанов прибрал его себе. У него свой Центр. До того как он появился в Министерстве, он создал Центр искусств на Дмитровке. Я просил его, но его мне не дали, т.к. его захватил сам Бажанов. Власть есть власть. Теперешние власти, как вам известно, не зевают.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Хорошо. Остановимся на следующем: Василий Алексеевич и все присутствующие согласились с тем, что здесь говорилось. Друг другу никто не противоречил. Положение ясное. Мы просим Владимира Петровича это учесть и добиться того, чтобы деньги на оплату были выданы как можно скорее и чтобы покупка новых произведений не прекращалась. Что касается помещения, выставки, оформления и даже названия, то это нужно решить в рабочем порядке. Если действительно Музея современного искусства нет, то давайте срочно легализовать то, что есть, и открыть музей как юридическое лицо.

В.П. НЕРОЗНАК: Мы предлагали в Выставочном зале открыть выставку.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: В Выставочном зале можно поместить на стендах часть лучших произведений, не прикрепляя к черному дубу, и пригласить телевидение, прессу и считать наш Музей уже открытым. Юридически его оформить и дать Василию Алексеевичу пока одну ставку. Когда Музей будет открыт, у него будет счет, тогда он пригласит и охрану, и других сотрудников¹.

Д.С. Лихачев подписывает соглашение с благотворительным Фондом Оппенгеймеров. В заднем ряду справа налево: митрополит Питирим, В.А. Пушкарев, В.П. Нерознак, О.И. Карпухин. 1992 г.

Из писем Д.С. Лихачева 1993 г.

Белгородская обл. Красная Яруга
Шпанову Виктору Александровичу

Уважаемый Виктор Александрович!

Благодарю Вас за письмо, за заботу о нашем культурном наследии.

Вполне разделяю Ваше желание создать музей А.А. Фета в его доме в деревне Воробьевка Курской области.

Буду с Вами откровенен — в наше суровое время это нереально. У государства едва хватает средств для поддер-

¹ Архив РФК. Т. 12. Д. № 71.